

13. Обухов В. М. Движение неурожаев зерновых культур в Европейской России в период 1883–1915 гг. // Влияние неурожаев на народное хозяйство / Под ред. В. В. Громана. М.: РАНИОН, 1927. С. 1–159.

14. Першин П. Н. Аграрная революция в России. Кн. 1. От реформы к революции. М.: Наука, 1966. 490 с.

15. Продовольственная безопасность Урала в XX веке. Документы и материалы / Под ред. Г. Е. Корнилова, В. В. Маслакова. Т. 1. Екатеринбург: Академкнига, 2000. 552 с.

16. Соколов Н. П. Голод 1891–1892 годов и общественно-политическая борьба в России: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. 20 с.

17. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 17. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Худож. лит., 1936. 814 с.

18. Урланис Б. Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М.: Госстатиздат, 1963. 136с.

19. Robbins R. G. Famine in Russia, 1891–1892: the Imperial Government Responds to a Crisis. New York; London: Columbia University Press, 1975. XVI, 262 p.

УДК 94(47).082:303.446.4(70)

ББК ТЗ(2)53+Т1(7) 6-82

Михалев Николай Анатольевич, кандидат исторических наук, ученый секретарь, Институт истории и археологии УрО РАН; 620990, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16; тел. (343)374-42-05; e-mail: n.mikhalev@mail.ru

ГОЛОД 1891 Г. В РОССИИ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РИЧАРДА РОББИНСА¹

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению зарубежной англоязычной историографии истории голода 1891 г. в России. В ней анализируются основные положения работы американского историка Р. Роббинса «Голод в России, 1891–1892. Императорское правительство отвечает на кризис». Опубликованная в 1975 г., она до

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-31-01266 а2.

сих пор остается единственным монографическим исследованием данной проблемы.

Ключевые слова: голод 1891 г., историография, Р. Роббинс.

Mikhalev N.A., candidate of historical sciences, academic secretary, Institute of history and archaeology of the Urals branch of the Russian academy of sciences

FAMINE OF 1891 IN RUSSIA: RICHARD ROBBINS'S INTERPRETATION

Abstract. The paper deals with foreign English-speaking historiography of Russia's 1891 famine. It examines main positions of the work by American historian Richard Robbins «Famine in Russia, 1891–1892: The Imperial Government Responds to a Crisis». Published in 1975, this book still remains the only historical monography on the issue.

Keywords: 1891 famine, historiography, R. Robbins

Неурожай и последовавший за ним голод 1891 г. стал одним из крупнейших продовольственных кризисов в позднимперской России. Различные аспекты его истории привлекли к себе внимание отечественных и зарубежных исследователей. Советская историографическая традиция, помещая тему голода 1891 г. в контекст изучения аграрного (или шире – общего социально-экономического) кризиса конца XIX – начала XX вв., как правило, использовала ее в качестве второстепенного сюжета, призванного доказать и наглядно проиллюстрировать степень серьезности последнего. В современной отечественной историографии тематические рамки рассмотрения проблемы голода 1891 г. заметно расширились, а сама она получила статус темы, «достойной монографического изучения». Тем не менее, такого исследования пока не появилось [10].

Зарубежная историография, которая при изучении истории позднимперской России также долгое время опиралась на парадигму системного кризиса царского режима [8, С. 45–52], в этом смысле отличается от отечественной. В 1975 г. свет увидела книга американского историка Ричарда Роббинса «Голод в России, 1891–1892. Императорское правительство

отвечает на кризис». Получив положительную оценку в зарубежном научном сообществе [1, 2, 3, 4, 7 и др.], она за прошедшие десятилетия не была переведена на русский язык и должного отклика у российских авторов не получила [8, с. 509].

Роббинс начинает свое исследование с констатации того, что в историографии голод 1891 г. оказался окружен рядом «мифов». Первый утверждает, что правительство игнорировало возникший кризис и замалчивало информацию о происходящем в стране. Второй заявляет, что, когда режим все же вынужден был отреагировать, принятые им меры были неадекватны, а их исполнители – некомпетентны. Третий настаивает на том, что в условиях бездействия и беспомощности властей лишь своевременное вмешательство «образованного общества», через земские и частные благотворительные организации выполнившего основную часть работы по оказанию помощи голодающим, не только позволило облегчить положение населения, но и продемонстрировало несостоятельность государственной машины. Свою задачу историк видит именно в том, чтобы скорректировать или полностью развеять эти устоявшиеся представления. Поэтому он концентрируется на вопросах выработки и реализации государственной политики помощи населению, пострадавшему от голода, пытаясь «показать, что делал режим, чтобы помочь нуждающимся в 1891–1892 гг., и, насколько это возможно, установить почему были предприняты те или иные меры». При этом в работе затрагиваются (хоть и менее развернуто) другие аспекты проблемы – причины продовольственного кризиса, особенности общественной реакции, а также долговременные последствия катастрофы 1891 г. [5, с. IX–X]

Роббинс отмечает, что непосредственной причиной неурожая 1891 г. стали неблагоприятные погодные условия, а именно ранняя суровая зима и последовавшее за ней жаркое засушливое лето. Однако причины голода следовало связывать не столько с плохим урожаем, сколько с экономической и финансовой политикой царского режима, ему предшествовавшей. «Голод редко поражает процветающее государство. Он случается только тогда, когда

сельскохозяйственное население страны доведено до состояния хронической бедности и нужды. К 1890-м гг. бедность и нужда российского крестьянства являлась одним из неопровержимых фактов социальной жизни Империи. ... Сельская экономика оказалась в столь депрессивном состоянии, что для некоторых [крестьян] граница между нормальным существованием и голодом была очень тонка» – пишет историк. По его словам, «сцена была готова для трагедии», которая и произошла после неурожая 1891 г. [5, с. 3, 9–10; см. подробнее: 9]

Голод стал серьезным испытанием существовавшей в стране системы продовольственного обеспечения населения, показав все ее недостатки [см. также: 6]. Обращаясь к этому вопросу, Роббинс выделяет два базовых подхода, выработанных в истории к построению таких систем. Наиболее простой рассматривает голод как главным образом административную проблему, вызванную абсолютным, хотя и локализованным, недостатком продуктов питания. В этом случае кратковременный кризис преодолевается посредством распределения продовольствия между нуждающимися (через продажу, ссуды или на безвозмездной основе), а долговременное решение заключается в создании сети специальных зернохранилищ, содержимое которых используется в периоды неурожая. Такая система действовала в древнем Египте, но достигла своего расцвета в Китае в эпоху династий Мин и Цин. Второй, более современный подход рассматривает проблему предотвращения голодовок преимущественно с экономической точки зрения, связывая последние не с абсолютным недостатком продовольствия, а трактуя их как следствие роста продуктовых цен в сочетании с повышением уровня безработицы. Основными средствами выхода из кризиса выступают при этом полная свобода торговли, позволяющая удовлетворить возросший спрос на продовольствие в пострадавших районах, а также обязательное обеспечение занятости их жителей, получающих таким образом возможность приобретения продуктов питания. Этот подход избавляет правительство от забот по устройству зернохранилищ и поддержанию оных в должном состоянии. Кроме того,

получателями прямой помощи становятся в этом случае только нетрудоспособные категории населения, что значительно упрощает проведение антикризисной кампании в целом. В XIX в. данный подход с переменным успехом применялся британскими властями в Ирландии и Индии [5, с. 14–15].

Российский вариант системы продовольственного обеспечения находился где-то посередине между этими полюсами. Хотя императорское правительство рассматривало голод в административно-управленческой плоскости, свобода торговли зерном являлась центральным системным элементом антикризисных мероприятий, а организация общественных работ занимала среди них важное место [5, с. 16]. Изучив развитие продовольственного дела в имперский период истории России, Роббинс приходит к заключению, что созданная к концу XIX в. система продовольственного обеспечения по крайней мере на бумаге отличалась «простотой и ясностью». Она, казалось, решала «нереальную задачу российских администраторов» по снижению прямого участия центрального правительства в реализации антикризисных мероприятий: сохраняла за ним полномочия по общему контролю и надзору, передавая основные обязанности на местный уровень [5, с. 16–24].

В реальности, однако, справиться с крупномасштабным кризисом система не могла. Ее слабость, отмечает историк, отражала общие проблемы, «от которых страдало российское общество в целом». Идея хлебозапасных магазинов, «первой линии обороны от голода», была хороша в теории, но находившиеся в бедственном положении крестьяне часто не имели возможности найти излишки зерна для их пополнения. Неурожаи 1870-х и 1880-х гг. привели к тому, что к 1891 г. имевшиеся в магазинах запасы хлеба уже были выданы крестьянам или просто разворованы при попустительстве со стороны земств и сельских должностных лиц. Земские учреждения, отвечавшие за функционирование системы на местах, не обладали полномочиями и достаточными административными средствами, чтобы заставить сельские общества содержать магазины должным образом. К тому же

земства, не имевшие своего представительства на уровне волости, не в состоянии были установить «реальную связь» с жителями деревни. «Неполнота административной сети на местах» являлась, по словам Роббинса, «Ахиллесовой пятой» российской системы продовольственного обеспечения.

Не отличалась она нужной координацией и на более высоких уровнях государственного и земского аппаратов, что составляло другой ее «вопиющий и пагубный» недостаток. Отсутствие земской организации национального масштаба означало, что в случае неурожая оперативное взаимодействие между различными губернскими земствами будет проблематичным. В высших эшелонах центральной администрации вопрос взаимодействия и координации стоял не менее остро. При столкновении интересов нескольких ведомств, деятельность которых имела то или иное отношение к разрешению продовольственных кризисов, отсутствовал какой-либо институт наподобие Кабинета, который позволил бы гармонизировать действия правительства. Существовавший Комитет министров в силу своих ограниченных компетенций с такой задачей справиться не мог. Иными словами, «фрагментированное состояние правительственного и земского аппарата делало беспрепятственное осуществление необходимой кооперации маловероятной» [5, с. 23–26].

В этой связи Роббинс не дает полностью отрицательной оценки контрреформам Александра III, которые, несмотря на свои «реакционные цели», в некотором смысле явились «шагом вперед», улучшив перспективы проведения более эффективных кампаний по борьбе с голодом. Так, введение должности земских начальников означало появление чиновников, «расположенных ближе к крестьянам» и обладающих большими возможностями по руководству продовольственными операциями на местах. «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» 1890 г., предусматривавшее активный государственный контроль за деятельностью земских учреждений, могло способствовать установлению более тесных связей между государственным и земским аппаратами. Тем не менее, эти изменения были «слишком небольшими и слишком

запоздавшими». Базовые институциональные проблемы государства оставались нерешенными. Поэтому, когда голод «охватил поволжские и черноземные губернии в 1891 г., правительство России и ее население вынуждены были бороться против голода, используя неадекватные средства». Успех этой борьбы зависел от «изобретательности государственных чиновников, земцев и простых граждан» [5, с. 29–30].

Дальнейшее исследование, проведенное Роббинсом, убедительно показывает, что в исходно неблагоприятных для себя условиях императорский режим сумел выработать и реализовать мероприятия, адекватные масштабам возникшего кризиса. Правительство вовсе не пыталось скрыть или игнорировать катастрофу: уже в январе 1891 г. были предприняты первые шаги по облегчению положения в Поволжье и Черноземье, а российская пресса на протяжении всех этапов развития кризиса достаточно подробно освещала ситуацию. Не нашло полного подтверждения и представление о том, что действия царских чиновников отличались «паникой, путаницей и общей некомпетентностью». Несмотря на имевшие место колебания и ошибки, правительство провело «одну из крупнейших в российской истории кампаний по борьбе с голодом». По данным историка, в разгар кризиса продовольственную помощь получали более 11 млн чел. И хотя не все государственные мероприятия оказались эффективными, «размах деятельности правительства был поразительным». Даже сравнение российской кампании 1891–1892 гг. с действиями британской администрации во время голода в Ирландии и Индии свидетельствовало в пользу царского режима.

Работу земств по борьбе с голодом Роббинс называет «огромной», одновременно подчеркивая, что в это время земства выступали не как общественные, а скорее, как государственные организации, получая правительственное финансирование и выполняя предписания центральной власти. Без почти 150 млн руб., израсходованных правительством на различные программы помощи, никакая деятельность земств не была бы возможной. На этом фоне масштабы собственно общественной благотворительной помощи голодающим

выглядели весьма скромно. Исследователь фактически солидаризуется с одним из современников, описавшего реакцию российского общества на кризис 1891 г. как «вялую». Согласно Роббинсу, общая сумма, собранная разными благотворителями, не превышала 5 или 6 млн руб. [5, с. 168–169, 236]

Для доказательства эффективности «впечатляющей» продовольственной кампании 1891–1892 гг. историк обращается к нескольким критериям. Первый из них – величина демографических потерь, обусловленных голодом. Используя статистику, представленную в работе В.И. Покровского 1897 г. «Влияние колебаний урожая и хлебных цен на естественное движение населения», Роббинс сравнил абсолютные показатели смертности в 17 наиболее пораженных голодом российских губерниях за 1892 г. с их средним пятилетним значением за 1880–1890 и 1893–1894 гг. и подсчитал, что сверхсмертность в этом регионе составила 406 тыс. чел. Принимая число смертей, вызванных эпидемией холеры, в немногим более 103 тыс. чел., он снижает значение этого показателя до 303 тыс. чел. Однако, учитывая, что определенная часть холерных смертей была безусловно связана с голодом, в качестве «более обоснованного» итогового показателя голодной смертности Роббинс считает оценку в 375–400 тыс. чел. Другими словами, российским властям удалось сдержать рост уровня смертности в среднем в пределах 25–30%, что позволяет признать действия правительства «если не оптимальными, то, по меньшей мере, приемлемыми». Это суждение становится еще более оправданным, принимая во внимание многомиллионные жертвы в период голода 1921–1922 и 1932–1933 гг. [5, с. 171–172].

Другим подтверждением эффективности продовольственной кампании 1891–1892 гг. являлось ограничение социально-экономических последствий голода, а именно предотвращение коллапса крестьянского хозяйства и экономики. Правда, действия властей в этом направлении оказались значительно менее успешными. Программа казенных общественных работ потерпела фиаско. Величина задолженности крестьян резко возросла, а уровень их жизни ухудшился настолько, что даже «высшие государственные чиновники быстро осознали, что

возврат продовольственных ссуд, выданных нуждающимся в ходе кризиса, будет фактически невозможен». Вместе с тем назвать экономическую политику российского правительства однозначным провалом было нельзя. Посредством широкой программы семенных ссуд удалось предупредить полную деградацию сельского хозяйства в охваченных голодом губерниях, хотя размеры посевных площадей здесь все же сократились. Зерновые ссуды заложили основу для быстрого восстановления, и благодаря высокому урожаю 1893 г. крестьяне «начали вновь вставать на ноги» [5, с. 173].

Таким образом, заключает Роббинс, исследование результатов осуществления государственных программ в 1891–1892 гг. производит «удивительно положительное впечатление». Продовольственные операции были далеки от совершенства, но правительственная помощь «предотвратила реальную угрозу массового голодания, удержала уровень смертности в приемлемых границах, предупредила полный экономический крах пораженного голодом региона». «Восхищение» действиями властей еще более усиливается, если учесть, что «дефекты государственного аппарата» с самого начала мешали борьбе с голодом [5, с. 173]. Своей способностью мобилизовать человеческие, материальные и иные ресурсы царский режим в начале 1890-х гг. продемонстрировал значительный «запас прочности». Царские бюрократы, «без сомнения, неумелые и продажные по современным стандартам», были способны на «творческую и оригинальную» реакцию на серьезный внутренний кризис. Невзирая на атмосферу недоверия, порожденную контрреформами, удалось установить «работающие связи» между государственными чиновниками, земскими служащими, земскими начальниками и представителями сельских обществ, а также привлечь к продовольственным операциям частных лиц. Тем самым царизм показал себя более жизнеспособным, чем утверждали его критики.

С другой стороны, именно голод 1891 г. стал началом конца для имперской России. С этого времени царское правительство столкнется с нарастанием критических настроений и оппозиции,

которое завершится революциями 1905 и 1917 гг. Такое развитие событий, отмечает историк, только кажется «парадоксальным и ироничным», и загадку «процесса упадка, начавшегося с очевидного успеха», разрешить несложно. «Голод никому не делает чести. – пишет он. – Даже крупнейшая и самая эффективная кампания помощи не может устранить язву голода и бедности». Для Империи удар, нанесенный голодом, был особенно жесток. «Существование самодержавия, – продолжает Роббинс, – всегда находило оправдание в том, что оно делало Россию могущественным современным государством. Катастрофа 1891–1892 гг. опровергла это утверждение. Великие европейские державы не страдают от голода, голодают лишь такие отсталые колониальные территории, как Китай, Ирландия и Индия». Сам факт большого голода в России указывал, что она еще далее отставала от «передовых и процветающих стран Запада» [5, с. 175–176].

Данный вызов, который голод поставил перед правительством, обнажив слабость государства и экономики, а также породив у «образованного общества» надежды на укрепление взаимодействия с властью и расширение своего участия в решении общенациональных вопросов, содержал в себе и новые возможности. В случае принятия необходимых мер по устранению «институциональных дефектов», снижения давления на деревню, предоставления «обществу» доступа к управлению, Империя могла бы «выйти из испытания голодом укрепившейся и возрожденной». Однако, как только режим «восстановил равновесие», он вернулся к прежней политике. Быстро оказался забыт важнейший урок, преподанный голодом 1891 г.: «ни государство, ни общество не могут эффективно действовать по одиночке. Только подлинное сотрудничество между представителями правительства и общества будет давать России возможность перенести будущие кризисы» [5, с. 179–180, 183].

В заключение следует отметить, что работа Роббинса опирается на солидную источниковую базу. Ее основу составили впервые введенные в научный оборот документы из фондов центральных российских архивов: прежде всего,

материалы Хозяйственного департамента МВД, Особого комитета по оказанию помощи населению в местностях, пострадавших от неурожая, а также 3-го делопроизводства Департамента полиции, документы личных фондов В.К. Плеве и Николая II. Тщательная проработка этих и иных использованных источников позволила Роббинсу, по словам Брюса Линкольна, «создать образцовую историческую монографию», которая значительно расширила представления об особенностях функционирования царского правительства в конце XIX в. и – в более общем смысле – дополнила понимание того, каким образом абсолютистские режимы справлялись с тяжелыми социальными и экономическими кризисами [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Atwell J.W. Review: *Famine in Russia, 1891–92* by Richard G. Robbins // *The Slavonic and East European Review*. 1976. Vol. 54. № 3. P. 465–466.
2. Blakely A. Review: *Famine in Russia, 1891–1892: The Imperial Government Responds to a Crisis* by Richard G. Robbins // *Russian Review*. 1975. Vol. 34. № 3. P. 329–330.
3. Hutchinson J.F. Review: *Famine in Russia 1891–1892: The Imperial Government Responds to a Crisis* by Richard G. Robbins // *Canadian Slavonic Papers*. 1975. Vol. 17. № 4. P. 653–654.
4. Lincoln B.W. Review: *Famine in Russia, 1891–1892: The Imperial Government Responds to a Crisis* by Richard G. Robbins // *The American Historical Review*. 1976. Vol. 81. № 4. P. 908–909.
5. Robbins R.G. *Famine in Russia, 1891–1892: The Imperial Government Responds to a Crisis*. New York: Columbia University Press, 1975.
6. Robbins R.G. *Russia's System of Food Supply Relief on the Eve of the Famine of 1891–92* // *Agricultural History*. 1971. Vol. 45. № 4. P. 259–269.
7. Watters F.M. Review: *Famine in Russia 1891–1892* by Richard G. Robbins // *Slavic Review*. 1975. Vol. 34. № 4. P. 817.
8. Миронов Б.Н. *Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века*. М., 2012.
9. Панферова О.Ю. Ричард Роббинс о причинах голода 1891–1892 гг. в России // *Аспирант, или Молодое поколение ученых о...: науч.–практ. альманах аспирантского сообщества*. Оренбург, 2011. Вып. VI. С. 92–94.

10. Пьянков С.А., Михалев Н.А. Голод 1891–1892 гг. в России в советской и современной отечественной историографии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 1. С. 44–55.

УДК 021(470.5) (091)

ББК 4833 (235.55)6

ВАК 07.00.02

Кругликова Галина Александровна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории России, Уральский государственный педагогический университет; г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д.26; e-mail: kruglickova.galina@yandex.ru

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА НА УРАЛЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГГ.: ТРУДНОСТИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Аннотация. В статье анализируется становление нормативно-правовой базы в области библиотечного строительства в первой половине 1920-х гг. Определены теоретические вопросы библиотечного строительства и практическая реализация библиотечного законодательства на Урале.

Ключевые слова: культурная политика, библиотеки, Урал, историко-культурное наследие.

Kruglikova Galina Aleksandrovna, Department of History of Russian VPO «Ural State Pedagogical University», Russia, Yekaterinburg, Ph.D., Associate Professor

THE STATE POLICY IN THE FIELD OF LIBRARY BUSINESS IN THE URALS IN THE FIRST HALF OF THE 1920S.: DIFFICULTIES AND CONTRADICTIONS

Abstract. The article deals with the establishment of the legal framework in the field of library construction in the first half of the 1920s. Showing theoretical issues and practical implementation of the law library in the Urals.